

позволяет поставить вопрос о неких общесоциологических закономерностях культурных процессов. Противостояние господствующей культуре, рождение новых ценностно-нравственных и практических жизненных установок рассматриваются в современной философии культуры как процесс, периодически воспроизводимый в мировой истории.

Теории контркультуры, с характерными для них идеями «революции ценностей», «революции сознания», «альтернативного стиля жизни», «качества жизни» возникли на волне поиска новых мировоззренческих ориентиров, новой веры, новой жизненной философии. Идеи контркультуры послужили философской и методологической основой идеологии новых социальных – «альтернативных» движений, в частности коммунитаризма, феминизма, возникших в ряде стран партий «зеленых» и др. И, наконец, отметим, что контркультура много лет развивалась и в нашей стране, где она имеет ряд особенностей и специфических черт. Однако в тоталитарную эпоху всякое инакомыслие жестоко подавлялось, а попытка осмысления иного сознания блокировалась. Поэтому отечественная контркультура по существу прошла мимо внимания большинства наших обществоведов.

Если же оценивать степень разработанности темы в самом общем виде, то следует отметить, что здесь накоплен огромный эмпирический материал культурологического и социологического плана. Во всех западных странах с конца 60-х годов XX века появлялись работы (книги, статьи, социологические эссе), в которых анализировались различные грани данного феномена. Весьма значительна заслуга таких исследователей, как Ч.Рейч, Д.Белл, И.Янкелович, Р.Инглхарт и особенно Т. Роззак, которые внесли позитивный вклад в осмысление явления контркультуры.

Сам термин «контркультура» был введен в философский лексикон именно Теодором Роззаком, профессором истории мировой культуры Калифорнийского университета (Хейвард, США). В этой работе мы попытаемся проследить его творческий путь, представить вехи его профессиональной, научной биографии. Книги Роззака – такие, как «Создание контркультуры» (1969 г.), «Там, где кончается пустыня» (1972 г.), «Личность/Планета» (1978 г.), «Незавершенное животное» (1975 г.), «Культ информации» (1986 г.), «Голос Земли» (1993 г.), «Америка становится мудрее» (2003 г.) и др., – имели огромный успех, переводились на многие

языки мира, многократно переиздавались. Они заняли прочное место среди бестселлеров на книжных рынках. (До сих пор его книги не переведены только на русский язык...)

Яркий критический темперамент Роззака, его редкая социальная прозорливость, доходчивый язык, а главное – близость, понятность поднимаемых им проблем во многом способствовали популярности его идей, стремительно распространявшихся среди образованных слоев западного, и не только западного общества.

Пониманию сущности контркультуры, разумеется, содействовали и критические работы, авторы которых отвергали этот феномен с позиции неоконсервативной критики. Такие видные теоретики, как Д.Белл, З.Бжезинский, Г.Кан, И.Кристал, Р.Нисбет, Л.Фойер, Ж.Эллюль обратили внимание на опасность леворадикальных установок, на присущий контркультуре революционный пафос.

В конце 80-х годов тон консервативно-охранительной критики контркультуры в США меняется. Появляются работы, свидетельствующие о попытках серьезного научного анализа того комплекса идей, который включает в себе контркультура, а также механизма индивидуальных и социальных трансформаций, ведущих к реальным сдвигам в менталитете и жизненных ориентациях людей.

В отечественной литературе начало исследовательскому интересу к проблематике западной контркультуры положили Ю.А.Замошкин и Н.В.Мотрошилова, опубликовавшие первую аналитическую статью «Новые левые», их мысли и настроения¹. Именно они ввели в нашу философскую литературу такие ключевые термины, как «левый радикализм» и «контркультура». Спокойная, объективная (без навешивания ярлыков) оценка молодежному движению дана также в книге Митрохина Л.Н. «Американские миражи»² и в статье Н.С.Юлиной «Бунтующая молодежь в поисках идеологии»³. Это исследовательское направление было продолжено затем Э.Я.Баталовым в книге «Философия бунта» (М., 1974) и других работах. Названные философы подчеркивали такие важные черты леворадикальной, бунтующей молодежи, как разрыв с господствующими стандартами и нормами официальной культуры и ориентацию на создание нового комплекса ценностей и установок.

Но в целом общие мировоззренческие оценки данного феномена у отечественных философов в 70-80-е годы оставались под влиянием идеологических, догматических стереотипов минувших десятилетий. Возможно, по этой причине в области контркультурной проблематики отечественные исследования оставались преимущественно на уровне накопления эмпирического материала: исследовались социологический, социально-психологический, демографический, поколенческий аспекты движения. И лишь в последние годы отдельным исследователям удается постепенно выйти на более высокий уровень социально-философского видения проблемы, ее теоретико-философского осмысления.

Одной из первых работ, посвященных контркультуре, была книга Ю.Н.Давыдова и И.Б.Роднянской «Социология контркультуры»⁴, в которой авторы создают социологический и социально-психологический портрет «инфантильной» контркультурной молодежи.

Комплекс настроений леворадикального студенчества в США наиболее полно отражен в работе М.И.Новинской «Студенчество США» (М., 1977), в которой показано рождение новых ценностей среди молодежи университетов США. В книге А.Ю.Мельвиля и К.Э.Разлогова «Контркультура и «новый» консерватизм» (М., 1981) дан сравнительный анализ различных типов политического сознания; при этом контркультура определяется как антитеза неоконсерватизма в ее отношении к личности и протестантской этике. О социально-психологических предпосылках молодежного бунта и взаимосвязи между идеологией «пятидесятников» и «шестидесятников» писали А.Брычков в книге «Молодая Америка» (М., 1971) и В.Быков в работе «От молчаливого поколения к бунтующему» (М., 1975). Разносторонний анализ проблем контркультуры можно найти в работах К.Мяло, рассматривающей контркультуру на примере бунтующей молодежи Франции, в частности в книге «Под знаменем бунта» (М., 1985) и в книге «Время выбора» (М., 1987), где автор сравнивает некоторые черты западного и отечественного движения протеста молодых.

Отечественные исследователи, как и зарубежные, подходили к контркультуре с разных сторон, изучали различные ее аспекты. Однако весь этот обширный и разнохарактерный пласт литературы, несмотря на множество теоретических обобщений, имеет

одну общую особенность: ни в одной работе не содержится комплексного анализа контркультуры как феномена общекультурного процесса. Нет ни одной отечественной работы, посвященной дифференцированному анализу установок, составляющих ядро контркультуры: антисайентизма, антитехнизма и «экологического персонализма». Эволюция контркультурных тенденций в основном не прослежена. О контркультуре пишут как о преходящем явлении, утратившем свое предназначение, цели, идеалы.

По существу, мало исследованы проблемы и противоречия радикального сознания, проявившиеся в процессе его трансформации в 70-е и 80-е годы. Не изучена связь «альтернативного» сознания с философскими концепциями персонализма и «экологического персонализма», в частности с содержанием антисайентистских и антитехнистских утопий, родившихся на фоне обострения глобальных проблем. Практически не исследована связь концепций контркультуры с общепланетарными, глобальными проблемами, хотя именно они фокусировались в этом феномене наиболее концентрированно. Несомненно, и сама контркультура и ее философия оказались определенной реакцией на общецивилизационные проблемы, со всей остротой вставшие перед человечеством в последние десятилетия.

Прорыв в осмыслении проблематики контркультуры наблюдается по существу лишь в последние годы. В работах ряда отечественных философов этот феномен впервые осмысливается без недавних идеологических пристрастий, с учетом новейших мировоззренческих истолкований современной социальной динамики⁵. Однако, несмотря на многочисленные публикации, хронологически отстоящие друг от друга, феномен контркультуры все еще исследован недостаточно.

Прежде всего, отсутствует комплексный, социально-философский взгляд на проблему. Многие авторы воспринимают эту тему как уже утратившую свою актуальность, жестко привязывая ее ко времени молодежных выступлений 60-х годов на Западе. Отсутствует попытка осмыслить контркультуру как явление, которое, если говорить о существовании вопроса, неоднократно возникало в истории человечества (движение киников в античности и др.). Можно сказать, что всякая новая культура, культура конкретной эпохи рождается как осознание кризиса предшествующей социокультурной парадигмы. С этой точки зрения «первое осе-

вое время», о котором пишет К.Ясперс, – это своеобразный выход из кризиса культуры эпохи возникновения мировых религий. Христианство тоже возникло как разрыв в языческом сознании античности. Средневековье – это Ренессанс древнего гнозиса в той же мере, как Возрождение – возврат к античной культуре.

Как проявляет себя контркультура в качестве механизма переоценки ценностей, механизма социокультурных новаций? Когда и как противостояние господствующей культуре рождает новую культуру? Эти вопросы, ответить на которые мы пытаемся в данной работе, в отечественной литературе не вполне исследованы. На наш взгляд, подход к феномену контркультуры оказывается плодотворным, когда он помогает углубить понимание его исторической значимости, функции и развития культуры в целом.

Анализ контркультуры, проведенный автором, может позволить (сеем на это надеяться) по-новому раскрыть проблемы культуротворчества, показать реальные механизмы культурной динамики. Феномен контркультуры проанализирован в работе с позиции глобального, космогонического, экологического сознания, ориентированного на осмысление единства всего живого на Земле в духе пантеистического видения. Этот подход позволил раскрыть гуманистический потенциал контркультуры, показать ее возможности в осмыслении противоречий современной цивилизации и глобальных проблем человечества, наконец, значительно расширить общефилософские представления о механизмах развития культуры, о сменах культурных парадигм в истории человечества.

Результаты, полученные автором, выводы, сделанные в ходе исследования, могут оказаться полезными при изучении как проблем личности, проблем развития культуры в целом, так и нравственно-этических проблем современных индустриальных, информационных обществ. Работа может дать материал и определенную ориентацию при анализе современной контркультуры, леворадикального и альтернативного типов сознания и движения.

Цель автора состоит в том, чтобы в новых условиях с новых общечеловеческих, гуманистических позиций и, в частности, на основе анализа философии контркультуры Т. Розака попытаться

углубить понимание феномена контркультуры как механизма смены одной культуры другой, изучив действие этого механизма на примере функционирования современной контркультуры, занятой поиском новых ценностей, новых нравственных и жизненных ориентиров. В связи с этим автор стремится:

- определить, какие именно ценности интегрирует контркультура конца XX в., противопоставляя их ценностям техногенной цивилизации и формируя, возможно, ядро культуры Третьего тысячелетия;

- рассмотреть сущность философско-культурологической концепции Т. Розака как наиболее видного современного теоретика контркультуры, сделав акцент на позитивном, гуманистическом потенциале данного феномена;

- показать связь контркультуры с глобальными проблемами современности, с общецивилизационными противоречиями, с самыми насущными проблемами современного бытия;

- выявить историческое значение, сущность и функции контркультуры в индустриальном обществе, в том числе ее культуротворческий потенциал;

- определить ее роль в поиске новых принципов жизнеориентаций и общих мировоззренческих установок. Одним словом, речь идет о социально-философском и культурфилософском типах анализа феномена контркультуры, что не исключает и иных подходов.

Все это может дать толчок и к изучению современной отечественной контркультуры, которая, несомненно, имеет свою специфику, однако одновременно и много общих черт, роднящих ее с этим общемировым явлением.

В своей методологии автор руководствовался культурологическим, «культуроцентричным» подходом. При этом автор опирался на исследования таких ученых (европейских и американских), как К.Мангейм и А.Кассирер, Х.Ортега-и-Гассет, К.Ясперс, М.Вебер, Ж.Фурастье, а также А.Этциони, И.Янkelович, Р.Инглхарт, Ф.Фукуяма и др. Из отечественных исследователей значительную помощь оказали автору труды таких известных культурологов, как Э.Я.Баталов, П.С.Гуревич, Ю.Н.Давыдов, Ю.А.Замошкин, В.М.Лейбин, А.Ю.Мельвиль, В.М.Межуев, Л.Н.Митрохин, Н.В.Мотрошилова, А.С.Мулярчик, М.И.Новинская, А.С.Панарин, К.Э.Разлогов, И.Б.Роднянская, Н.С.Юлина и др.

Основные философские понятия, используемые в работе, такие, как *контркультура*, *культура*, *цивилизация*, *философия культуры* и *субкультура* сложны, многозначны, каждое из них порой содержит в себе разные смыслы. Для операциональной простоты в данной работе они применяются лишь в узком значении.

Например, если у Шпенглера понятия *культура* и *цивилизация* являются антонимами (в его «Закате Европы» можно найти высказывание о том, что цивилизация – это тоже культура, «только лишенная души»), то у Розака они синонимичны, и термин «контркультура» у него одновременно означает и «против культуры», и «против цивилизации» – то есть против «урбанистического индустриализма».

В данной работе *культура* нами рассматривается как совокупность способов и приемов человеческой деятельности, как материальной, так и духовной.

Понимание контркультуры как механизма переоценки ценностей, ее осмысление, расшифровка, «раскодирование» осуществляется нами на основе работ Т. Розака и ряда отечественных аналитиков.

Субкультура определяется П.С.Гуревичем в «Современном гуманитарном словаре-справочнике» как отдельные зоны культуры со своими ценностями, «кодексами чести», обычаями, нормами морали, «отклоняющимися от магистрального пути» культуры. Субкультуры бывают разные: социальные и этнографические, демографические, элитарные и массовые, официальные и народные, эзотерические, языческие, христианские и т.д. – то есть любая культура – «это спектр субкультурных феноменов»⁶. Если культура – это целое, то субкультура – это часть, если культура – это структура, то субкультура – ее элемент. Не все субкультуры способны к преобразованию культуры, к ее трансформации, как контркультура, обладающая для этого достаточным творческим потенциалом.

Философия культуры в указанном выше словаре П.С.Гуревича определяется как раздел философии, ориентированный на философское постижение культуры как уникального и всеобщего феномена⁷. Философия культуры изучает культуру во всем объеме ее исторического становления. Философия контркультуры – это, собственно, такая же культурфилософская рефлексия.

В данной работе мы придерживаемся именно такого понимания понятий культура, субкультура, философия культуры и философия контркультуры.

В «Новой философской энциклопедии»⁸ выделяются три направления философии культуры: методологическое, теоретико-систематическое и социально-критическое. Творчество американского философа логично отнести именно к социально-критическому направлению философии культуры, и при таком подходе он оказывается в ряду таких мыслителей, как Г.Зиммель и О.Шпенглер, Ф.Степун и Х.Ортега-и-Гассет, А.Швейцер и Р.Куртиус.

Феномен *постмодернизма* отдельно в работе не рассматривается, хотя между контркультурой и постмодернизмом много общего. Теоретик контркультуры Т. Роззак рассматривает контркультуру как «состояние», теоретик постмодернизма Лиотар также определяет постмодернизм как «состояние»: «состояние» неприятия, отвержения. Они одинаково призывают проститься с ментальными навыками прошлого. Оба феномена являются критической ревизией культуры Запада. Оба имеют и ярых противников и восторженных приверженцев. В обоих случаях, в сущности, речь идет о пересмотре таких кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, которые были связаны «с прогрессом как идеалом и схемой истории, разумом, организующим вокруг себя весь познавательный мир, либеральными ценностями, как эталонном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ»⁹.

Здесь следует также подчеркнуть, что *философским обоснованием* концепций Т. Роззака явилась, прежде всего, западноевропейская культурфилософская традиция (восходящая к Ницше и Шопенгауэру), отраженная в критических теориях Франкфуртской школы, объединявшей на леворадикальных позициях М.Хоркхаймера и Т.Адорно, Г.Маркузе и Б.Хабермаса, Э.Фромма и др.

Философским обоснованием его работ явились также и идеи американца Луиса Мамфорда, критиковавшего американскую культуру за урбанизм, технократизм, порабощение человека, за то, что мораль и гуманизм в США пали жертвой технократического прогресса.

На формирование экологического персонализма Розака огромное воздействие оказали и идеи французского персонализма, идеи Э.Мунье, Ж.Лакруа и др., утверждавших, что мир должен способствовать духовному росту человека, а человеческая личность должна быть высшей духовной ценностью.

Кардинальные социальные изменения, происшедшие в мире в конце XX – начале XXI в., на переломе эпох показали, что ни один из существующих способов хозяйствования и жизнеустройства не может служить эталоном для всех народов. Но с особой очевидностью эти изменения сказались на кризисе мировоззренческом, идейном. Мы явились свидетелями девальвации исторических целей и ценностей и западного потребительского общества, и советского варианта коммунизма как альтернативной капитализму перспективы.

Как в массовом, общественном сознании, так и в общественных науках ощущается явный концептуальный и ценностный вакуум, отсутствие высокой исторической перспективы, высокого социального идеала, способного ответить на вызовы времени. Испытывают кризис такие ведущие направления современной общественной мысли, как социализм и либерализм. Как подчеркивает академик В.С.Степин, именно в переходные этапы человеческой истории, к каковому относится и нынешний, становится особенно ясным, что господствующие мировоззренческие ориентиры, базисные универсалии культуры «уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности», возникает потребность в перековке старых мировоззренческих ориентаций, в поиске новых, предельно общих программ деятельности людей¹⁰.

Какими будут в новом веке нравственные ценности, основные социально-политические, философские понятия и представления? Каковы будут место и роль личности в жизни общества? Какие вечные темы и новые измерения социального и духовного бытия человека станут наиболее значимыми? Подобные вопросы волнуют и ученых, философов и рядовых граждан. Поэтому наряду с

разочарованием в прежних идеалах, во всех сферах человеческой жизнедеятельности – в науке, технике, философии и экономике, в культуре, в общественном сознании – идет интенсивный поиск ответа на вопрос: как сделать нынешнюю цивилизацию более пригодной для жизни, как сделать жизнь людей более безопасной, более человеческой, обеспеченной и счастливой...

В процессе этого поиска, как отмечают многие аналитики, с новым и неожиданным интересом сегодня прочитываются работы авторов прошлых лет, которых прежде относили и к «новым левым», и к «новым правым», и к левым радикалам 60-х годов, работы, связанные с альтернативными направлениями западной социально-философской мысли, с критикой индустриального и постиндустриального общества, с предвидениями авторов «контркультурного направления» – работы Г.Маркузе и А.Тойнби, Ж.Фурастье и Г.Маклюена, Д.Белла и Р.Арона, А.Тоффлера, М.Фергюсона и Т. Розака и др. Этим мыслителям за много десятилетий удалось уловить, предвидеть те тенденции в развитии западного индустриального общества, которые стали более очевидными гораздо позже – лишь в начале следующего века.